

Поиск специфики русской истории и цивилизации сегодня не только важен, но и необходим

В.Г. Хорос, доктор исторических наук

Доклад А.И. Фурсова, и особенно присланный нам большой текст, производят сильное впечатление своей цельностью, системностью, стремлением к последовательности и логической «закругленности», остротой в постановке проблем. Убеждает ориентация автора на выявление специфики России и ее различных социоисторических параметров — прежде всего, политических — в противовес поверхностным рассуждениям либерального толка о «европейскости» России или сожалений по поводу ее «недоевропейскости». Нельзя не согласиться с докладчиком в том, что критическая ситуация в России в конце XX в. сложилась как своего рода «волновой резонанс», наложение друг на друга двух кризисов — внутреннего и мирового. Не буду приводить другие интересные идеи и соображения, представленные докладчиком, — их много и они свидетельствуют в целом о плодотворности того направления поиска, который предпринимается А.И. Фурсовым.

Мои замечания связаны с тем, что достоинства могут оборачиваться недостатками, которые превращаются в их продолжение. Нацеленность на создание стройной схемы, логически безупречной модели приводит Андрея Ильича порой, как мне представляется, к некоторым натяжкам в трактовке исторического материала. Поэтому я подхожу к его модели «русской власти» как историк. Подхожу с убеждением и надеждой на то, что от корректировки теоретической конструк-

ции, устранения натяжек сама данная модель — повторяю, в целом понятная и близкая мне — только выигрывает.

В характеристиках «русской системы» докладчик всюду стремится подчеркнуть ее уникальность, беспрецедентность, и это стремление порой выглядит чрезмерным. Например, в тезисе о том, что в России — в отличие от Востока и Запада — «базовой единицей социальной организации была власть», осуществлявшая демиургические функции. Но власть, в том числе в России, не существует в безвоздушном пространстве или в полностью пассивной социальной среде. У нас, по крайней мере, еще два института были «базовыми единицами социальной организации» — община и церковь, хотя государство действительно являлось ведущей силой. Но повышенная роль государства имела место и в некоторых других обществах — например, в Китае («народ — трава, правитель — ветер»).

Точно так же обстоит дело с положением об исключительной «автосубъектности», надзаконном характере власти в России. Бесспорно, объем властных полномочий русского самодержавия был велик, но не безграничен. Самодержавие должно было соблюдать какие-то правила и обычаи (например, «советоваться» с ближайшим окружением) или интересы (почему, скажем, российские цари долгое время не решались отменить крепостное право). Что же касается надзаконности, то это не только российское явление. Скажем, латиноамериканские каудильо XIX в. (да и, отчасти, XX в.) игнорировали существующие законы или корректировали их «под себя». Надзаконной властью отличались и турецкие султаны, которых, кстати, средневековые российские публицисты ставили в пример московским царям.

Рассматривая факторы, способствовавшие становлению «русской власти», докладчик выделяет роль Орды. Мне представляется, что эта роль преувеличена. Так, в докладе говорится о том, что татары принесли на Русь «массу насилия», которой не было раньше, хотя в домонгольских междоусоби-

цах насилия было, как говорится, более чем. С другой стороны, на мой взгляд, недооценивается фактор византийского влияния — сакральный ореол властителя, тип взаимоотношений монарха и церкви, имперские традиции.

Вызывает сомнение положение о присущей «русской системе» тенденции освобождения власти от собственности», которая была в конечном счете реализована в Октябрьской революции. Но, во-первых, до нее в России был громадный госсектор — а что это как не собственность правящего слоя (пусть не частная)? Во-вторых, при Советской власти так называемая «общенародная собственность» была во многом фиговым листком, она находилась в полном распоряжении номенклатуры, что и облегчило ей захват этой собственности в лихое время 1990-х гг.

В исторических параллелях, проводимых автором, порой происходит то, что можно назвать модернизацией прошлого или (что близко) «архаизацией» современного. Это, к примеру, имеет место при обосновании так называемой «демонархии» — понятия само по себе весьма интересного. Скажем, при сравнении режимов Ивана Грозного и «Иосифа Грозного» в роли олигархического элемента, боярства (с которым вел борьбу Иван IV) выступает «экссклюзивный и весьма коррумпированный клуб «ленинская гвардия плюс герои Гражданской войны». Звучит сомнительно, и проще было бы охарактеризовать данный «клуб» не как потенциальную олигархию (коррумпированность которой на самом деле измерялась размерами партмаксимума), а как группу, так или иначе противостоящую сталинскому радикальному курсу. Т. е. на первом плане были идейные и политические расхождения, а не принадлежность к некоему «экссклюзивному» статусу — тем более что немалая часть данного «клуба» (ворошиловы, буденные и т. д.) пошла за Сталиным.

В демонархиях докладчик видит определенную последовательность фаз. Сама демонархия является выходом из смуты, затем идет «оттепель», затем — «застой» и, нако-

нец, — перестройка как прелюдия к следующей смуте. Нетрудно увидеть, что эта схема списана с XX в. В случае Ивана Грозного фазы были другие. Во-первых, самому царствованию Ивана IV смута не предшествовала, а начиналось оно с весьма мягких реформ («оттепели»?). Ведение опричнины помогло справиться с боярской «малой смутой», но одновременно привело к социальному хаосу. Если последующие царствования Федора Иоанновича и Бориса Годунова можно считать — по сравнению с временами Грозного — «оттепелью», то затем наступает не «застой», а новая и уже «большая смута», в которой в огромной степени аукнулись «драстические» процессы и пережитки царствования Ивана IV. Невольно вспоминается сталинское: «исторические параллели рискованны».

Сказанное я рассматриваю как замечания по частностям. Поиск же специфики русской истории и цивилизации является не только важным, но необходимым сегодня. И работы Андрея Ильича, на мой взгляд, являются в этом плане одними из наиболее содержательных.